

«Вредит, обогащает, ублажает...»: демонологический персонаж бучыра в мифологических представлениях удмуртов

Николай Владимирович Анисимов

(Эстонский литературный музей: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42;
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследова-
тельского центра УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4)

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению малоизученного персонажа удмуртской мифологии — бучыра, получившего в народной терминологии различные локальные варианты названия. Демонологический персонаж тюркского происхождения в некоторых локальных традициях имеет однозначно положительную оценку, в других — характеризуется амбивалентно: в одном случае обогащает, помогает и/или сексуально удовлетворяет своего хозяина, в другом — приносит беспокойство, совершает сексуальное насилие, провоцирует физические и психические болезни. Бучыра может принимать самые различные формы: антропоморфную, зооморфную, «нулевоморфную». Исходя из имеющихся материалов, можно выделить три основных признака, определяющих его природу: черты домашнего духа-обогапителя, черты духа-любownika, черты духа болезни. Все они могут уживаться в семантике одного образа или быть редуцированными.

Анализ современного бытования народных представлений о духе бучыра выполнен на основе имеющейся литературы, однако основной базой послужили полевые материалы автора, собранные в экспедициях к локальным группам удмуртов, преимущественно закамским. Сбор материала велся также посредством интернет-ресурсов «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», а также приложения-мессенджера WhatsApp. Главным источником, позволяющим реконструировать народные представления, послужили мифологические рассказы, былички о духе бучыра. В статье в научный оборот впервые вводится ранее не опубликованный корпус новых текстов и терминов об этом персонаже.

Ключевые слова: удмурты, закамские удмурты, мифология, мифологический персонаж, демон, бучыра, дух-любownik, дух-обогапитель, дух болезни.

Дата поступления статьи: 25 января 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Анисимов Н. В. «Вредит, обогащает, ублажает...»: демонологический персонаж бучыра в мифологических представлениях удмуртов // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 66–75.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.006>

ВВЕДЕНИЕ

Народная мифология до настоящего дня продолжает сохранять любопытные и подробно неизученные образы, бытующие в первую очередь в устной форме

в фольклорных нарративах. Мифологические сюжеты лежат в основе культурной традиции народа и отражают его мировосприятие, религиозные представления, поведенческие стереотипы,

этнолингвистические процессы и т.д. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть неоднозначный по природе и функциям персонаж удмуртской мифологии, получивший в народной терминологии следующие локальные варианты названия — *бичура*, *бучыра*, *бучырка*, *бучырна*, *бычыра*, *бычыро*, *бучыро*, *бычырок*, *бытьыра*, *бисара*, *бисёра*. Далее для обозначения этого духа и удобства изложения материала будет использоваться термин *бучыра*.

ПОНЯТИЕ БУЧЫРА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Данный демонологический образ имеет тюркское происхождение и занимает отдельное место в системе мифологических представлений удмуртов. Несомненно, заимствование термина, его историческая мобильность и национальная адаптация вносят некоторые корректировки и особые языковые и культурные нюансы: «Синонимия демонимов в языке и фольклоре часто бывает обусловлена лексическими заимствованиями из других культурных традиций, при этом культурная семантика заимствованного термина не всегда переходит в язык. Изменения в значении демонима могут быть обусловлены отсутствием четкости в визуализации его образа, вариативностью его функций, а также с утратой актуальности его образа в народной культуре» [Ойроткина 2018, 40].

В литературе удалось встретить несколько вариантов написания и толкования данного демонима. Примечательно, что большинство из них словарного характера, которые не могут передать полную культурную семантику мифологического персонажа, раскрыть его функционирование в народной культуре. Так, языковед-тюрколог Р.Г. Ахметьянов в работе «Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья» приводит следующие диалектные варианты демонима и его значение: *пичура* и *писюра* «кикимора; домовый» [Ахметьянов 1981, 22]. Финский ученый-этнограф Ю. Вихман термин *бичура* приводит в двух значениях: 1) злой дух, который прячет вещи; 2) беспокойный человек [Wichmann 1987, 21–22]. В Этимологическом словаре удмуртского языка понятие *бисёра* дается в следующем значении: «*Бисёра* — мифол. диал. (кукм.)

злой дух, джинн; (б.-тан.) бычыра “домовой, приносящий вред, создающий в доме шум, треск”, перен. “непоседа”. Татарское заимствование: *бичура* — мифол. “домовой” и *Бичура* — собственное муж. имя. Структурно состоит: би “князь, вельможа, господин” + апеллятив “дитя, ребенок” или би + “хлебороб, работник, воин”. По Радлову, тат. *бичура* “мифологическое существо”. Баш. *бисура* “кикимора» [Алатырев 1988, 182]. М.Г. Атаманов-Эграпи в Словаре диалектной лексики удмуртов Граховского района Удмуртии термин *бичура* приводит в значении «непоседа, вездесущий» [Атаманов-Эграпи 2005, 201]. В Системно-тематическом русско-удмуртском словаре Р.Ш. Насибуллина и В.Г. Семенова термином *бычыра* обозначен домовый, а *бесёра* — злой дух [Насибуллин, Семенов 2013, 222, 236]. В Большом удмуртско-русском словаре даются следующие значения различным вариантам термина: *бичура* — диал. нетерпеливый || егоза, непоседа, юла, *бучыра* — миф. болотный леший, *бисёра* — мифол. злой дух, джинн, *бычыра* — 1) мифол. Домовой; 2) перен. непоседа [БУРС].

Более полно черты и характер данного демонима рассмотрены татарскими и башкирскими исследователями. Р.Г. Ахметьянов возводит этот мифоним к монгольскому и тюркскому языкам, предполагая, что основа слова образована от др.-тюрк. *бичин* «обезьяна», монг. *бич*, *мэч* «обезьяна» [Ахметьянов 1981, 22]. В башкирской мифологии данный персонаж называется *бичура/бисура* и является биполым существом [Юсупов, Миннибаева 2006, 197; Хисамитдинова 2011, 109]. Этот дух встречается человеку в облике светловолосой девушки, красивой женщины, маленькой женщины в красном, старухи, иногда юноши. Живет в подполе или в лесу на поляне. *Бисура* может встретиться с человеком не только единожды, но может и повадаться, зачистить, особенно к одиноким женщинам и мужчинам, и прижиться у них. Дух способен приносить ему деньги, выполняет работу по дому, помогает ухаживать за скотиной, склоняет человека к сожительству. От сожительства с *бисурой* могут рождаться дети [Хисамитдинова 2011, 109–112]. У татар *бичура/бишура/писура/писюра/мич/мичура* может предстать перед людьми в образе маленькой

старушки в старинном головном уборе *ирпак* или в облике маленького человека в красном. По другим данным, у духа *бичура* есть хвост, выглядит он страшно, пугает людей. Выделяются положительные и отрицательные функции: обогащает или приносит беспокойства и неприятности. Предпочитает селиться у одиноких людей, живет в доме под печкой, в печи, бане, хозяйственных постройках или обитает в лесах. Татарская *бичура* дает о себе знать, озорничая в доме: кричит по ночам, прячет вещи. Человек, у которого поселился этот дух, часто болеет, мало ест, беспричинно тревожится [Давлетшин 1986, 115; Касимов 2013, 40; Иванова и др. 2018, 240].

ПОНЯТИЕ БУЧЫРА В УДМУРТСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Гиперактивность, навязчивость и неусидчивость мифологического существа расширяют семантическое значение термина и оформляются вербально в разных жизненных ситуациях. Об этом свидетельствуют как вышеприведенные данные, так и полевые материалы. Например, удмурты Татышлинского района Башкирии к неумному ребенку могут обратиться с выражением: «*Сйтянад бучыраез-а вань, оло?*» (В твоей попе бучыра, что ли, есть?) (Зап. от Анны Тимерзяновны Байдуллиной, 1971 г.р., с. Уразгильды, Татышлинский р-н, РБ. Соб. Н.В. Анисимов¹. 2020 г.) [ПМА 2020]. Удмурты д. Баграш-Бигра Малоपुरгинского района Удмуртии понятие *бичура* используют для обозначения шустрого и преуспевающего человека². В речи удмуртов д. Большие Сибь Можгинского района Удмуртии непоседливого человека, чаще ребенка, называют *бучырна*, *бучыро*: «*Эн бучыр-яськы ни!*» (Не суетись уже <букв.: не веди себя как бучырна/бучыро>) (Зап. от Людмилы Капитоновны Федоровой, 1966 г.р., д. Большие Сибь, Можгинский р-н, УР. 2020 г.) [ПМА 2020]. В аналогичном значении термин *бичура* бытует у удмуртов д. Куземаево Алнашского района Удмуртии: «*Бичура кадь кыллыськод*» (Ведешь себя, словно бичура) (Зап. от Дарьи Никиотиной, 1997 г.р., д. Куземаево, Алнашский

р-н, УР. 2020 г.) [ПМА 2020], у удмуртов д. Варклед-Бодья Агрызского района Татарстана — *бычырок* (Зап. от Любови Геннадиевны Михайловой, 1978 г.р., д. Варклед-Бодья, Агрызский р-н, РТ. 2020 г.) [ПМА 2020]. Удмурты с. Алнаши Алнашского района Удмуртии *бучырой* называют верткого, неусидчивого, шустрого человека (Зап. от Татьяны Захаровны Пчеловодовой, 1957 г.р., с. Алнаши, Алнашский р-н, УР. 2020 г.) [ПМА 2020], а удмурты д. Миндерова Малоपुरгинского района Удмуртии про такого человека могут сказать *бичура сйтян* «задница бичуры» (Зап. от Ирины Олеговны Филимоновой, 1986 г.р., д. Миндерова, Малоपुरгинский р-н, УР. 2020 г.) [ПМА 2020]. В с. Лельвиж Кукморского района Татарстана неугомонного и шустрого человека называют *бычыро* (Зап. от Валентины Николаевны Евдокимовой, 1972 г.р., с. Лельвиж, Кукморский р-н, РТ. 2020 г.) [ПМА 2020]. Удмурты д. Измайлово Бавлинского района Татарстана шустрого и проявляющего активность в темное время суток человека могут обозвать *бычырой*: «*Ўйин уг изъы, бычыра кадь. Бычыра кадь шап, пе*» (Ночью не спит, словно бычыра. Словно бычыра шустрый, дескать) (Зап. от Сандугач Якуповны Ислангуловой, 1940 г.р., д. Измайлово, Бавлинский р-н, РТ. 2019 г.) [ПМА 2019]. В общении подобные примеры, построенные на основе сравнения, метафоры и метонимии, используются для передачи экспрессивности речи и репрезентации эмоциональной оценки адресата. Однако нужно отметить, что, несмотря на их современное употребление, в общении удмуртов они не всегда осознаны, нечасто носители языка осведомлены о первичном значении термина.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУХЕ БУЧЫРА

Для исследования современного бытования народных представлений о духе *бучыра* была проанализирована имеющаяся литература, где встречаются отдельные упоминания о персонаже и единичные текстовые примеры [Черных 2002, 64; Садиков 2019, 135], но основной базой

¹ Далее везде также цитируются и анализируются полевые материалы, записанные автором статьи.

² Устное сообщение Анастасии Сидоровой (1992 г.р.). Запись 2019 г., г. Тарту, Эстония.

послужили полевые материалы автора, собранные в экспедициях к локальным группам удмуртов, преимущественно закамским. Сбор материала велся также посредством интернет-ресурсов «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», а также приложения-мессенджера WhatsApp. Главным источником, позволяющим реконструировать интересующие нас представления, послужили мифологические рассказы, былички и побывальщины об этом духе. Поскольку в литературе нет специальных исследований по теме, автор опирается на рассказы информантов на удмуртском языке с учетом диалектных особенностей, что позволяет включить в научный оборот новый объем материала по мифологическим воззрениям.

Всего в архиве автора имеется около 30 нарративов. Ввиду деликатности темы исследования и просьбы об анонимности самих информантов после текстовых примеров сведения о рассказчиках не приводятся, указываются лишь место и год записи. Исследование не предполагает подробной географии распространения демониума, как и его территориального/локального бытования в фольклоре. Однако полевые исследования показывают его распространенность на территориях тесного контакта с татарским и башкирским населением. Согласно полевым исследованиям автора, можно утверждать, что нарративы о духе *бучыра* фиксировались практически в каждой деревне Татышлинского района Башкирии и Бавлинского района Татарстана. Выяснилось, что с данным понятием были знакомы далеко не все местные жители, кто-то вообще не слышал о таком персонаже и/или слове. В Бавлинском районе Татарстана информанты отметили, что данный термин в настоящее время на стадии исчезновения, поскольку его используют редко или он бытует только в речи пожилых. Противоположная ситуация наблюдается в традиции удмуртов Башкортостана, что четко отражается в текстовых примерах. В южных районах Удмуртии (Алнашский, Граховский, Малопургинский, Можгинский районы) и у завятских удмуртов (Кукморский район Татарстана) вариантом данного термина пользуются лишь в качестве метафоры.

Если обратиться к представлениям удмуртов о духе *бучыра*, можно сказать, что

отношение к персонажу амбивалентное: верят, что в одном случае он обогащает, помогает и/или сексуально удовлетворяет своего хозяина, в другом — приносит беспокойство, совершает сексуальное насилие, провоцирует физические и психические болезни. В некоторых локальных группах (Бавлинский район Татарстана) данный образ имеет лишь положительную оценку. *Бучыра*, по народным представлениям, может принимать различные формы: антропоморфный, зооморфный, «нулевоморфный» (бесплотный). Такое совмещение и положительных, и отрицательных функций, как и способность к перевоплощению, присущи персонажам, связанным с инфернальной сферой. Исходя из имеющихся материалов, характеризующих данного духа, можно выделить три основных признака, определяющих его природу: черты домашнего духа-обогапителя, черты духа-любовника, черты духа болезни. Все эти черты могут уживаться в семантике одного образа или быть редуцированными, как, например, в традиции бавлинских удмуртов.

ДОМАШНИЙ ДУХ-ОБОГАТИТЕЛЬ

Имеющиеся материалы позволяют соотносить данный образ с домашними духами, которые способны приносить своему хозяину как достаток, преуспевание в делах, так и несчастья, болезни. Как правило, его не видно, однако, по некоторым сведениям, дух имеет вполне физическое воплощение, например, является в облике кошки или умершего человека. Считается, что расположение духа зависит от симпатий и отношений человека с ним. *Бучыра*, как и живые существа, нуждается в ежедневном кормлении [Черных 2002, 64–65], но, если ему не понравится поведение хозяина, он может причинить неприятности или даже убить. По некоторым сведениям, он прячет вещи в доме [Садиков 2019, 135]. Дух-обогачитель во благо своего хозяина способен трудиться всю ночь и не чувствовать усталости. Отмечается также, что *бучыра* помогает и уживается лишь с человеком своего пола. Согласно нарративам, духом *бучыра* обладают не все люди, а те, у кого он есть, имеют большую трудность избавиться от него. Считается, если переехать в другое жилище, он остается в старом и обогащает уже своих новых хозяев. К обогащению

посредством помощи этого персонажа информанты относятся неоднозначно: одни оценивают его положительно и воспринимая наравне с домовым, другие — отрицательно, поскольку наделяют коннотацией нечистого и злого духа: «*Бычыраез тоськом. Со, үйин изытэк, пе, байкытэ кузёзэ. Ёйбыт, пе, ужа бычыра, нулдэ, пе. Тани милям бычырамы оз ужа, байкытэк кылим. <...> Висён эвол, дыр, инь со, байкытыса ветлэм бере. Солэн, пе, бычыраез вань, соин, пе, со бай, шуо вал. <...> Али сыче кылын вераськись эвол ни*» (О духе бычыра знаем. Он ночью не спит, дескать, своего хозяина обогащает. Всю ночь, дескать, <дух> бычыра работает, <достаток> приносит, дескать. У нас вот наш бычыра не работал, мы без богатства остались. <...> Не болезнь уж, наверное, это, раз богатство приносит. У него, дескать, бычыра есть, поэтому, дескать, он богатый, говорили было. <...> Сейчас такое слово больше даже уже и не упоминают) (Зап. от Сандугач Якуповны Ислангуловой, 1940 г.р., д. Измайлово, Бавлинский р-н, РТ. 2019 г.) [ПМА 2019]; «*Будьяын одйг кышно, пе, вал. Туж шэб, пе, куиське вылэм со. Мар солы, солэн бучыра-ез вань есь, пе, шуо вылэм. Юрттйськись бучыра но, значит, луэ. Соос кык чошен, пе, уло. Пиосмурт-бучыро но нылкышно ке уло, соос уг тэро, нылкышно-бучыраен нылкышно ке, соку вась-вась, пе, соослэн луэ. Вань ужзэс чош лэсьто, туж продуктивно ваньмыз пөрме*» (В <деревне> Будья Варяш женщина, дескать, была. Очень шустро-быстро, дескать, она ткала. Ей это ничего не стоит, у нее же бучыра есть, дескать, так говорили. Значит, помогающий бучыра тоже бывает. Они вместе, дескать, живут. Если <вместе> живут мужчина-бучыро и женщина, они не умирают, если женщина с женщиной-бучырой, тогда у них всё, дескать, ладится. Все дела вместе выполняют, всё очень продуктивно получается) (Зап. от Алевтины Анатольевны Фаткуллиной, 1973 г.р., с. Старый Варяш, Янаульский р-н, РБ. 2019 г.) [ПМА 2020].

По словам одной информантки, известен даже способ, как подселить в свой дом этого духа, чтобы он стал приносить своему хозяину достаток и богатство:

«*Куддыръя курег пуза ук ничи курегныз, дыдыклэн быдза гынэ. Ныльдон нұнал, пе, кынылад пук но, сое возыса, отись,*

пе, марым... Бысара шуэ вал кадъ уни сое песай. "Потэ но кършыгёслэсь вань байлыкэ тыныд нулдэ" шуса вера вал. Сыче выжыкыл вера вал песая мянам» (Иногда курица снесет же маленькое яйцо, размером с голубиное. Сорок дней, дескать, под мышкой выноси его, оттуда, дескать, этот самый... <Дух> бысара, кажется, называла его бабушка: «Вылупляется да всё соседское добро к тебе тащит», — говорила, бывало. Такую сказку рассказывала моя бабушка) (Зап. от Людмилы Ивановны Вотчинниковой, 1983 г.р., д. Удмуртские Ташлы, Бавлинский р-н, РТ. 2019 г.) [ПМА 2019].

Сюжет о выведении из яйца домашнего духа, находящегося в услужении хозяина дома, весьма распространен, например, в славянских традициях (см., например: [Левкиевская 1996, 185–212; Хобзей 2002, 173–174; Левкиевская 2014, 428–432]).

ДУХ-ЛЮБОВНИК

Бучыра пристаёт, как правило, к одиноким людям, вдовам и реже к вдовцам. К вдовам/вдовцам дух может приходить в образе покойного супруга/супруги, в других ситуациях не визуализируется. Встречаются и такие сведения, согласно которым дух может навещать женщину, не имеющую половых отношений со своим мужем; *бучыра* может повадиться к семейному мужчине, если переходит по наследству от одного из родителей. По другим данным, *бучыра* может принимать облик знакомых людей. В одном случае зафиксировано, как *бучыра* воплощается в новорожденного и сосет грудь женщины. Отношения с этим духом считаются недугом, а в языке обозначаются выражениями *бучыра жортэм* (бучыра навязалась/пристала), *бучыра эляшем/бичура илэшем* (бучыра повадилась), *бучыраен виси* (болеет бучырой). По рассказам информантов, *бучыра* может посещать человека как днем, так и ночью. Согласно некоторым быличкам, человек слышит его голос, следует за ним, блуждает до беспамьяства. В ситуациях сексуального контакта жертва духа не способна противостоять ему, поскольку цепенеет, немеет, не может произнести ни звука, однако видит происходящее, хорошо чувствует и всё осознает. Утверждают, что женщины от таких контактов получают вполне реальное физическое удовольствие, какое

могла бы получить с мужчиной. При этом возраст сексуальных домогательств духа не имеет значения: зафиксированы и такие нарративы, когда бучыра мог повадиться к пожилой женщине. По словам одной анонимной информантки (примерно 35 лет), ночью ее навещает бучыра, который овладевает ею. По этому поводу она несколько не переживает, поскольку недовольна сексуальной жизнью с супругом, с которым давно вместе не спит. «Доброжелательное» отношение женщины к такого рода контактам зафиксировано в приведенных ниже нарративах. Подобные факты отражают двойственную оценку явления.

По некоторым сведениям, от этих отношений могут даже рождаться дети. Р.Р. Садилов отмечает, что иногда сами женщины могут попросить ребенка от духа-любownika [Садилов 2019, 135]. Однако дети от бучыра, согласно быличкам, рождаются с психофизическими отклонениями, уродливыми. Обычно в культуре удмуртов таких детей называют *шайтан воштэм* (подмененный шайтаном) (подробнее см.: [Анисимов 2017, 143–147]). Разница лишь в том, что в случае с духом бучыра отец ребенка известен, имел и/или продолжает интимные отношения с женщиной, а в случае с подмененным ребенком сексуальных связей нет.

Считается, что у покидающего могилу покойника на могильной насыпи образуется отверстие, напоминающее мышиную нору, через которое перемещается его душа и наносит визиты живым родственникам. Как правило, от непрошеного «гостя» стараются избавиться, для чего предпринимают различные магические меры. Например, если бучыра приходит в образе покойного мужа/жены, в обнаруженное отверстие вбивают кол (чаще осиновый или рябиновый), гвоздь без шляпки и просят больше не беспокоить живых. В таких ситуациях могут обращаться за помощью и к магическим специалистам. Известны также другие апотропеические способы отваживания потустороннего существа. Некоторые из них упоминаются в приводимых ниже рассказах информантов: «*Картэз, Петязез, черлам бере, пе, озы луиз, со шуэ. Уин, пе, кин дыр, ветлэ вал, сьод плацен, сьод шляпаен. И вылам выдэ. Ымнырэз адзыны уг луы. Шунды кадэ пиштэ, пе, вал. Уйбыт кесяськыса,*

пе, потійсько вал. Вылысьтым куштыны ноказыы но уг быгатійськы, пе, вал. Йыры ужа, но мугорме вырзйтэме но уг луы, шуэ. Собере соседкае, визьтэм кылын, пе, улляно сое шуыса, — верамтэ кылы но, пе, өз кылы. Собере, черке ветлыса, свечкаос пуктылыса жыны арлы быдэ, кызы дыр, ветлэмысь дуддйз, со шуэ» (Она говорит, что так, дескать, после болезни мужа, Петра, стало. Ночью, дескать, все время кто-то приходил, в черном плаще, черной шляпе. И на меня ложился. Лица разглядеть невозможно. Светило, словно солнце, дескать. Всю ночь, дескать, кричала. С себя скинуть, дескать, никак не могла. Голова работает, но даже пошевелиться не могу, говорит. Потом соседка <посоветовала> матерными словами его, дескать, выгнать — ни одного не сказанного слова у меня, дескать, не осталось. Потом в церковь ходила, свечи ставила раз в полгода, да и как-то так, только он перестал приходиться, говорит) (Зап. от Анонима, г. Нефтекамск, РБ. 2020 г.) [ПМА 2020]; «*Бучырка сое шуо. Чиндэр гуртын Ф. апайлэн гур сьобраз, пе, улэ вылэм. Комаклэсь бадзым маке, пе, со. Со солы вйын нянь понэ вылэм, и со вйыз гинэ, пе, нюзэ вылэм. Со кышноез нокрытчы но уг лэзь вылэм, только кулэм картэз луыса, вылаз выдыса, марке, пе, карыны турттыса гинэ улэм. Даже булгы убо виски но озы ёртэ вылэм. В конце концов, та кышно ассэ ачиз быдтэм. Со бучырка көчем солэн пиезлы, соизлы нылкышно луыса эрик но уг сёты вылэм, бордаз мерскыса. <...> Со пиезлэн кышноез но вылэм. Виль корка но пуктйллям соос, отын улыны быгатйллямтэ; кышноез кошкем, ачиз, арамае потыса, ошкыса кулэм, в конце концов. Виль Варашын, Вильгурт сое шуо, тоже вань вылэм, пе. Со кышноез но ошиськытэм»* (Его <духа> называют бучырка. В деревне Малокачаково у тети Ф. за печкой, дескать, жил. Он, дескать, нечто такое, что больше крысы. Она ему хлеб с маслом клала, а он только масло, дескать, слизывал. Эту женщину никуда не отпускал, перевоплощался в мертвого мужа, ложился на нее и, дескать, всё домогался ее. Даже между картофельными рядами, бывало, донимал ее. В конце концов эта женщина покончила с собой. Этот бучырка перешел к ее сыну, к которому являлся уже в виде женщины и приставал к нему, не давая покоя. <...> Хотя у сына жена была. Они и новый дом

построили, но жить там не смогли. Жена ушла, сам он в конце концов в роще повесился. В Новом Варяше, ее Новой деревней еще называют, <бучырка> тоже был, говорят. Там женщину тоже до виселицы довел) (Зап. от Анонима, д. Большекачаково, Калтасинский р-н, РБ. 2020 г.) [ПМА 2020]; «Со бучыраен бабай но шедьто, пе. Мужик мурт ветлїз ке нылкышно доры, ненормальной нылпи вордїське, дыр, ини со. <...> Полноценный нылпи уг вордїськы, дыр, ини» (С этим бучырой и беременеют, дескать. Если как мужчина будет приходиться к женщине, ненормальный ребенок рождается, наверное, уже. <...> Полноценный ребенок не рождается, наверное, уж) (Зап. от Анонима, с. Уразгильды, Татышлинский р-н, РБ. 2019 г.) [ПМА 2019].

ДУХ БОЛЕЗНИ

Этот персонаж сочетает в себе также характеристики духа, вызывающего у человека физические и психические недуги. Нередко в текстах быличек бучыра прямо обозначается как болезнь — *висён/чер*. Человек, страдающий этим недугом, теряет здоровье и силы, становится подавленным, может слышать голос потустороннего существа, страдать от сексуального насилия, в беспамятстве следовать за ним и т.д., в крайнем случае кончить жизнь суицидом. Если бучыра повадилась к ребенку, он становится беспокойным, плаксивым, появляются покраснения и зуд на половых органах. Народные воззрения утверждают, что последствиями контакта с этим духом страдают чаще лица женского пола, но изредка фиксируются также случаи заболевания мужчин и детей. По словам одних информантов, эта болезнь может передаваться по наследству, по мнению других — она непредсказуема и случайна. Предполагают, что эта болезнь проявляется и прогрессирует после контактов с бучырой или же дух вселяется в тело больного и «пожирает» его изнутри. Он может повадиться/навязаться как один, так и в неопределенном количестве. Согласно одному рассказу, духи бучыра увозят женщину из дома даже на лошадях. Считается, что избавиться от этой напасти очень сложно, однако можно предпринять ряд мер: обратиться к магическому специалисту, прибегнуть к апотропеическим действиям или предметам: «Анай огпол тазвы вераз. Чужатай Калмиярын

базарной арендатор, пе, вылэм. Вузаськыны лыктэм адымиослы инты, пе, сетъя вал. Карказы но кык вылэм, огаз асьсэос уйлллям, мукетаз — вузаськыны лыктэмъёс. Со дыре чужмортлэн пиез тужкаты, пе, висем, кулэмзэ гинэ возъмало на вылэм. Аскын районысь лыктэм бигер вузчи шораз, пе, учкем но: «та пияш уг висьы, бычыра ёртэм». Пышал вайыса убе коркады, сразу воськалод. Озыы, пе, каризы, сразу синзэ усьтїз, каллен кужым пыриз, воськаз шуиз анай. Оло, зэм, оло, малпам, кин тодэ ини. Бычыра адыми пушкы пыре, пе, пушкытїз сое сие, управлять каре» (Мать однажды так рассказывала. Дедушка по матери в Старокальмьярово базарным арендатором, дескать, был. Для приезжих торговцев места, дескать, раздавал. Даже два дома у них было: в одном сами жили, в другом — приезжие торговцы. В это время сын дяди по матери очень сильно, дескать, заболел, только и ждали, когда помрет. Приехавший из Аскинского района торговец-татарин посмотрел, дескать, на мальчика да: «Этот мальчик не болеет, бучыра навязалась» <сказал>. Ружье принесите и выстрелите в доме, сразу выздоровеет. Так, дескать, сделали — сразу глаза открыл, потихоньку сил набрался, выздоровел, сказала мама. То ли правда, то ли выдумка, кто знает теперь. Бучыра в человека вселяется, дескать, изнутри поедает его, управляет <им>) (Зап. от Анонима, с. Старакальмьярово, Татышлинский р-н, РБ. 2020 г.) [ПМА 2020]; «Али гуртазы вань, пе, ай Н. нимо аби. Солэн анаезлэн вылэм бучыркаез. Жытпал потыса кошке вылэм, нуса кошко гой, валэн лыктыса нуо, пе, шуз вылэм. Уйбыт кытын дыр нулло вылэм но, шукнапал жактыаса бертыса вуз, пе, вал. Со кышно нылзылы, Н., медаз пала шуыса бучырка, ма карыны дышетэм. Макесаз съод синьыс, пе, керттылса нуллэ вылэм» (Сейчас в их деревне есть, дескать, еще бабушка по имени Н. У ее матери был бучырка. Под вечер выходила и уходила куда-то, увозят ведь, на лошадях приезжают и увозят, дескать, говорила было. Всю ночь где-то водили ее, да под утро вся мокрая возвращалась, дескать, было. Та женщина, чтобы бучырка не передался ее дочери, Н., научила, что делать. На бедре черную нитку, дескать, завязав, носила) (Зап. от Анонима, д. Большекачаково, Калтасинский р-н, РБ. 2020 г.) [ПМА 2020].

ВЫВОДЫ

Таким образом, материалы разных локальных традиций позволяют охарактеризовать и выявить культурную семантику демонического персонажа *бучыра* в удмуртской мифологии. Включенный в удмуртскую традицию под влиянием тюркских воззрений, персонаж адаптировался и обрел некоторые мифоритуальные нюансы. В этом образе оказались сконтаминированы черты домашнего духа-обогатителя, духа-любownika и духа болезни. Бытование этого образа сегодня позволяет определить современное состояние религиозно-мифологического сознания народа. Полевые исследования показали, что данная тема является

довольно деликатной и в какой-то мере, по словам информантов, постыдной, поскольку выявляет личные и интимные подробности жизни человека. Иногда в беседах, например, рассказчики даже не желали об этом говорить или искренне переживали за собирателя, полагая, что он сам страдает от влияния этого духа. Представления о данном демоне в некоторых локальных группах постепенно забываются и/или используются лишь метафорически, без осознания первоначального значения. Тем не менее приведенные материалы позволяют включить в научный оборот и систему удмуртской демонологии описание еще одного персонажа народной мифологии.

Источники и материалы

Алатырев 1988 — Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. 788 словарных статей / Под ред. В. М. Вахрушева, С. В. Соколова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988.

Атаманов-Эграпи 2005 — Атаманов-Эграпи М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005.

Ахметьянов 1981 — Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.

БУРС — Большой удмуртско-русский словарь. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 10.04.2020).

Насибуллин, Семенов 2013 — Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь / Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2013.

ПМА — Полевые материалы автора.

ТРС — Татарско-русский и русско-татарский словарь онлайн. URL: <https://tatpoisk.net/dict> (дата обращения: 10.04.2020).

Wichmann 1987 — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Helsinki, 1987.

Исследования

Анисимов 2017 — Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Тарту: University of Tartu Press, 2017.

Давлетшин 1986 — Давлетшин К. Д. Нации и ислам (критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). Казань: Тат. кн. изд-во, 1986.

Иванова и др. 2018 — Иванова А. М., Хазиева-Демирбаши Г. С., Артемьев Ю. М. Демонимы в мифоритуальной традиции татар // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 237–243.

Касимов 2013 — Касимов Р. Н. Очерки религиозно-мифологических представлений че-

печких татар / Науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013.

Левкиевская 1996 — Левкиевская Е. Е. Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим миром // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 185–212.

Левкиевская 2014 — Левкиевская Е. Е. О некоторых мотивах карпатской мифологии: (Комментарии к быличкам М. К. Гайдук) // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: Индрик, 2014. С. 425–440.

Ойроткинова 2018 — Ойроткинова Н. Р. Демоним «аза» в языке и фольклоре тюрков Южной Сибири // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 40–52.

Садиков 2019 — Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. Уфа: Первая типография, 2019.

Хисамитдинова 2011 — Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011.

Хобзей 2002 — Хобзей Н. Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2002.

Черных 2002 — Черных А. В. Удмурты Куединского района: история и культура. Пермь; Кудеда: Администрация Куединского р-на Пермской обл., 2002.

Юсупов, Минибаев 2006 — Юсупов Р. М., Минибаева З. И. Народные представления о болезнях и причинах их возникновения у башкир Курганской области // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения: Сб. ст. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 195–196.

© Н. В. Анисимов, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Н. В. <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

PhD/кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42; тел.: +372 5555-64-59; научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: +7 (462) 68-89-11; e-mail: kyldysin@yandex.ru

“He Harms, Enriches, Appeases...”: The Spirit Buchyra in the Mythological Understanding of the Udmurts

Nikolai V. Anisimov

(Estonian Literary Museum: 42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia;
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to a little-studied character from Udmurt mythology — the buchyra, a name that has local variants in folk terminology. A demonological character of Turkic origin, in some local traditions the buchyra is an unambiguously positive persona, in others more ambivalent; in one case it enriches, helps and/or sexually satisfies its master, in another it brings anxiety, commits sexual violence, and provokes physical and mental illness. Buchyra can take a variety of forms: anthropomorphic, zoomorphic, “zero-morphic.” Based on the available materials, it is possible to distinguish three main signs that determine its nature: traits of a home spirit-enricher, traits of a spirit-lover, and traits of a spirit of illness. All of them may coexist in the semantics of one image or may be diminished.

This analysis of the modern existence of folk ideas about the spirit of buchyra was carried out both on the basis of the available literature and on the author’s field materials collected in expeditions to local Udmurt groups, mainly the Eastern Udmurt. The collection of material was also carried out through the Internet resources VKontakte, Facebook, Odnoklassniki, as well as the WhatsApp messenger application. The main kind of text that allows reconstructing folk beliefs are mythological stories about the spirit of the buchyra. This article introduces a previously unpublished corpus of new texts into scholarly circulation and offers terms describing this character for the first time.

Key words: Udmurt, Eastern Udmurt, mythology, mythological character, demonym, spirit-lover, spirit-fortifier, spirit-disease, buchyra.

Received: January 25, 2023.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Anisimov N. V. (2023) “Vredit, obogashchaet, ublazhaet...”: demonicheskie personazhi buchyra v mifologicheskikh predstavleniyakh udmurtov [“He Harms, Enriches, Appeases...”: The Spirit Buchyra in the Mythological Understanding of the Udmurts]. *Traditsionnaya kul’tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 66–75. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.006>

References

Anisimov N. (2017) “Dialog mirov” v matri-tse kommunikativnogo povedeniya udmurtov [“A Dialogue Between Worlds” Through the Lens of Udmurt Communicative Behavior]. Tartu: Izdatel’stvo Tartuskogo universiteta. In Udmurt and Russian.

Chernykh A. V. (2002) Udmurty Kuedinskogo raiona: istoriya i kul’tura [The Udmurts of the

Kueda District: History and Culture]. Perm; Kueda: Administratsiya Kuedinskogo raiona Permskoi oblasti. In Russian and Udmurt.

Davletnshin K. D. (1986) Natsii i islam (kritika filosofsko-teologicheskikh kontseptsii o edinstve natsii i islama) [Nations and Islam (Criticism of Philosophical and Theological Concepts About the Unity of the Nation and Islam)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo. In Russian.

Ivanova A.M., Khazieva-Demirbash G. S., Artemyev Yu. M. (2018) Demonimy v miforitual'noi traditsii tatar [The Demonyms in the Mythical and Ritual Tradition of the Tatars]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2018. No. 4. Pp. 237–243. In Russian.

Kasimov R. N. (2013) Ocherki religiozno-mifologicheskikh predstavlenii chepetskikh tatar [Essays About the Religious and Mythological Views of the Cheptsas Tatars]. Ed. by A.E. Zagrebina. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian and Tatar.

Khisamitdinova F. G. (2011) Slovar' bashkirskoi mifologii [Dictionary of Bashkir Mythology]. Ufa: IYIYaL UNTs RAN. In Russian and Bashkir.

Khobzei N. (2002) Gutsul'ska mifologiya. Etnolingvistichnyi slovník [Hutsul Mythology. Ethnolinguistic Dictionary]. Lviv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'yakevicha NANU. In Ukrainian.

Levkievskaya E. E. (1996) Slavyanskíe predstavleniya o sposobakh kommunikatsii mezhdu tem i etim mirom [Slavic Views About the Ways of Communication Between This and the Next]. In: Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture [The Concept of Movement in Language and Culture]. Moscow: Indrik. Pp. 185–212. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2014) O nekotorykh motivakh karpatskoi mifologii [About Some Motifs in the Carpatian Mythology]. In: In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema [In Umbra: Demonology as a Semiotic System]. Iss. 3. Ed. and comp. by D. I. Antonov, O. B. Khristoforova. Moscow: Indrik. Pp. 425–440. In Russian.

Oinotkinova N. R. (2018) Demonim "aza" v yazyke i fol'klore tyurkov Yuzhnoi Sibiri [The Demonym "aza" in the Language and Folklore of the Turkic Peoples of Southern Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2018. No. 2. Pp. 40–52. In Russian.

Sadikov R. R. (2019) Traditsionnaya religiya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennost'). [The Traditional Religion of the Eastern Udmurts (Its History and Contemporary Situation)]. Ufa: Pervaya tipografiya. In Russian and Udmurt.

Yusupov R. M., Minibaeva Z. I. (2006) Narodnye predstavleniya o boleznyakh i prichinakh ikh vozniknoveniya u bashkir Kurganskoi oblasti [Folk Ideas About Diseases and the Causes of Their Occurrence Among the Bashkirs of the Kurgan Region]. In: Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Kuzevskie chteniya [Ethnos. Society. Civilization: Kuzev Readings]: Col. papers. Ufa: TsEI UNTs RAN. Pp. 195–196. In Russian.

© N. V. Anisimov, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Anisimov <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

E-mail: kyldysin@yandex.ru

Tel.: +372 5555-64-59

42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia

PhD, Researcher, Folklore Department, Estonian Literary Museum

Tel.: + 7 (462) 68-89-11

4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

Researcher, Department of Philological Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)